

Алексей Поликовский
Мама, где ты?

История одного детства

Алексей Поликовский Мама, где ты? История одного детства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905117
ISBN 9785448582783*

Аннотация

Говорят о немецкой пунктуальности, с которой гестапо организовывало террор. НКВД не уступал немецким коллегам. Репрессии против жен арестованных и их детей регламентировались 36 пунктами приказа от 15 августа 1937 года. В сохранившейся в архиве машинописной копии есть подчеркивания и галочки: чекист усердно штудировал пункты секретной бумаги, обдумывая, как быстрее и практичнее арестовывать и ссылать «социально-опасных детей». То, что для него было «пунктами», для девочки стало ее жизнью.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мама, где ты?

История одного детства

Алексей Поликовский

Фото на обложке: Обложка журнала «Огонек», 1940,
№22. CC0

© Алексей Поликовский, 2017

ISBN 978-5-4485-8278-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Нам постучали в дверь 5 ноября 1941 года в половину первого ночи. Мама открыла. «Кто тут Вознесенская Наталья Петровна?» – «Я». – «Вы арестованы». Их было трое. Один, с винтовкой, остался стоять в дверях, другой грел спину у печки. А третий, с кобурой на боку, стал обыскивать. У меня в памяти осталась разбитая тумбочка, рассыпавшаяся по полу картошка, вывернутые ящики шкафа, перерытая постель. Они и подушку вспороли. Что они искали, не знаю, но искали они отчаянно. С половины первого до трех они обыскивали комнату, площадь которой шесть метров.

Все время обыска нам нельзя было двигаться. Я сидела на кровати, мама на табуретке. У мамы от шока началось сильное расстройство желудка. Она попросилась выйти. Ей этого не разрешили. Тогда она села на мой горшок. Они все искали, но, конечно, ничего найти не могли. Мама была не столько напугана, сколько раздражена и оскорблена тем, что ей пришлось справлять нужду при мужчинах. Она была молодая красивая женщина, за ней многие ухаживали, и в клубе поселка она вела танцевальный кружок. На крюке, вбитом в потолок, у нас висела авоська с новогодними игрушками. Уже под конец обыска мама посоветовала им: «Вы еще там не шарили! Пошарьте там!» – «Замолчите, гражданка Вознесенская! Сидеть молча!» Скоро они окончили свою

работу: «Все, хватит! Вставайте, пошли!» Мама спросила, может ли она попрощаться с ребенком. «Ну, пусть, значит». Мама схватила меня на руки, я прижалась к ней, и она прошептала мне: «Помни, ты Анастасия Александровна Вознесенская! У тебя есть мать, и у меня есть дочь, и мы должны когда-нибудь найти друг друга!» То, что я Анастасия Вознесенская, запало мне в душу, а то, что я Александровна, от потрясения выпало из памяти.

Маму увели. Я осталась одна в разгромленной комнате. Одна половица у нас скрипела, они рванули ее, подняли, заглянули. Теперь оттуда дуло. Мне было жутко. Сначала я горько плакала, но женщины-соседки боялись подходить ко мне. Они тихо сидели по своим комнатам. Когда маму вели по коридору, она крикнула им: «Женщины! У меня там осталась дочь, возьмите ее! В будущем я отблагодарю вас за это!» Но до шести утра никто ко мне не подошел. Была ли я в эти часы в обмороке или спала – не знаю. На следующий день утром соседка тетя Соня забрала меня. Днем пришел милиционер, спросил, где я – ему показали. Он сказал, что завтра за мной придут. Утром 7 ноября, в двадцать четвертую годовщину Октябрьской революции, в барак вошли двое военных в форме, в ремнях крест-накрест, с кобурами. «Здравствуй. Это ты?» – «Да». – «Собирайся». Чемодана у нас с мамой не было, и женщины собрали мои вещи в одеяло. Вышел узел. В узле была у меня шубейка, несколько платьев, туфли. Но больше всего я хотела взять с собой куклу – это была

большая, голубоглазая кукла Светлана, которую мы привезли с собой еще из Москвы. В Нижнем Тагиле она потрепалась и облупилась, но мама подкрасила ее и сшила ей новое платье. Куклу мне с собой не дали – тетя Соня оставила ее своей дочери, Тамаре. Один из военных бросил узел на заднее сиденье и сел рядом со мной. Дверца хлопнула. Мы поехали. Меня везли по городу торжественно, в большом черном лимузине, с вооруженной охраной. По улицам шла демонстрация – люди шагали с плакатами, с флагами. Вначале я плакала, но потом увлеклась и смотрела.

2

Первые пять лет моей жизни прошли в Москве, в хорошем четырехэтажном доме на Ордынке, где у моего отца, начальника «Главтабака», была двухкомнатная квартира с окнами, выходящими в сад. Отца я не помню. Его арестовали в 1939 году, а нас с мамой выслали в Нижний Тагил. Мама в Москве преподавала фортепьяно в музыкальной школе. Что касается меня, то я была любимицей семьи – избалованным, нежным и художественно одаренным ребенком. Я пела и танцевала. Читать я научилась в четыре года, почти без помощи родителей – просто складывала буквы, водя пальцем по подаренному мне букварю.

В Нижнем Тагиле мы жили на окраине города, в поселке, состоявшем из бараков. Комната, которая теперь была у нас, была просто комната: четыре стены, одно окно, одна дверь, одна печка. Жить было холодно. Дров не было. В бараках в основном тоже жили такие же ссыльные женщины с детьми. Они разбили на дрова все туалеты. Вещей ни у кого не оставалось – в первые же дни они обменивали и продавали их. Детей сразу же отдавали в детский сад – там хотя бы кормили. Сами же они работали на стройках и на обратном пути домой, проходя мимо складов, воровали уголь. Их ловили, и тогда они бросали его в снег. Их отпускали, и они снова шли за углем.

Окна в бараке были с одной рамой, мы затыкали их одеялом. С тумбочки мы сорвали верхнюю крышку и засыпали туда картошку. Сверху двери было стекло, чтобы свет из комнаты освещал коридор – другого света там не было. Туалет был на улице – женщины распилили его на дрова, и остались дыры в помосте, огороженном невысоким забором. Зимой мы пользовались ведром и выносили его на помойку.

Мама сразу же устроилась на строительство химзавода. Она разгружала вагоны, поднимала кирпичи с первого этажа на второй по положенным наискось доскам с набитыми на них планками. На спине у нее была подставка, куда накладывались кирпичи – тридцать килограммов за раз. Я не помню, чтобы она плакала или жаловалась, но помню, что она улыбалась и говорила мне: «Настичка, девочка... Ты наелась, ты хорошо покушала?» Меня она на всю неделю отдавала в детский сад.

Каждый понедельник в четыре утра мама отводила меня в детский сад. К шести она шла на работу. Вставали мы в полчетвертого. Зимой она везла меня на санках, летом несла на руках. Она всегда очень торопилась – за пять минут опоздания ей грозила тюрьма. В детском саду я сразу выделялась среди других детей – я умела читать, петь и танцевать. Я пела так хорошо, что однажды мне даже поручили выступить по радио. Пела я такую песенку:

Из красных пионов огромный букет

Мне дали ребята в отряде.
Велели ребята горячий привет
Вождю передать на параде.
За то, что страна крепка и сильна
И жить с каждым днем чудесней
Вождю наш привет, наш красный букет
И лучшие наши песни.

Детский сад помещался в бараке. В нем был зал, где мы торжественно встречали праздники, а в зале портрет Сталина. Портрет был огромный, от пола до потолка. У основания портрета – две ступенечки, и от них шла красная дорожка. Сталин был в длинной шинели – идет, заложив руку за борт, а снизу к нему тянутся люди, кто с пшеницей, кто с цветами. На ноябрьские праздники я с той же песней выступала в детском саду. Я проходила по красной дорожке, клала цветы на ступеньки, пела – и припев дружно подхватывал зал.

3

Военные отвезли меня в детприемник. Это была чья-то бывшая городская усадьба. Нижняя часть дома была каменная, верхняя деревянная. Широкая лестница вела на второй этаж, у лестницы были перила с фигурами. У подножья лестницы я снова вспомнила и стала рваться и кричать: «Отвезите меня обратно домой! За мной мама скоро приедет!» – «Ничего, ничего, ты тут посиди, мама скоро за тобой придет!» Я волновалась, что мама вернется и не найдет меня, и уговаривала военных: «Тогда скажите маме!» – «Хорошо, мы скажем!» Они уехали.

Женщина взяла меня за руку и отвела к парикмахеру. Это был седой старик в белом мятом халате и валенках. Он показал мне машинку: «Давай стричься!» – «Не дам волосы стричь!» Я знала, что мама терпеть не может стриженных детей. – «Мама придет, возьмет меня и будет меня ругать, что я дала себя остричь! Мама будет сердиться!» Он долго возился со мной. Сначала уговаривал, потом стал руки за спину заворачивать. Я и кусалась, и пинаясь. Так прошел целый день. Уже наступал вечер. Тогда старик позвал девочку лет пятнадцати и велел ей показать мне комнаты на втором этаже и сказать, что если я не дамся, меня туда не пустят. И вот по широкой лестнице с фигурами она повела меня вверх и показала мне большую комнату, где стояли тридцать

цать кроватей. «Видишь, как тут хорошо! Все равно тебе надо постричься! Не бойся, у меня тоже мама придет, мы все ждем... А обстричься надо! Вошки появятся!» Как только я пришла назад и села, парикмахер взмахнул рукой, и машинка сразу же выстригла мне полосу посреди головы. Он хлопотал надо мной, а у меня горькие слезы текли.

На следующий день, с утра, меня забрали на работу. В доме была веранда, а у веранды пристройка – там был туалет. Я была худенькая, маленькая девочка девяти лет. Мне дали лом. «Будешь убирать уборную!» – «А что здесь убирать?» Я понятия не имела. Пол был покрыт грязным льдом, дырки были полные. Был ноябрь месяц, и все это успело замерзнуть. Женщина, которая привела меня сюда, вместе с ломом дала мне лопату. «А что с ними делать? Как их держать в руках?» – «Вот так! Раз! Раз!» Она так ударила по полу, что куски полетели. Куда это девать? Отверстия на улицу нет, а дырки полные. Тогда она ударила несколько раз по макушкам, все провалилось, и она сказала: «Туда будешь сбрасывать!» И ушла. Я подняла лом, ударила раз, подняла снова, ударила два. Ничего не отлетает. Слезы хлынули сами собой. Я так заревела, так закричала! «Что я могу с этим сделать!? Я ничего не могу с этим сделать!» Женщина вернулась и убрала меня из туалета.

Тогда мне дали другую работу: мыть полы. До этого я никогда полы не мыла. В спальню, где стояли тридцать кроватей, принесли ведро, в ведро налили воды, дали мне в руки

большую тряпку. Ее надо было выжать, но у меня не хватило сил. Но самое неприятное – это моя напарница. Это была белобрысая девочка на голову выше меня. «Ты кто? Почему я тебя не знаю?» – «Я новенькая». Тогда она нагадила в ведро. Меня вырвало. Прибежала женщина: «Что? Кто наделал?» Ведро унесли, воду сменили. Моя напарница хохотала. Полмы с ней как-то вымыли. Когда женщина ушла, она подошла ко мне: «Ябедничаешь? Получай!» Размахнулась и ударила меня по уху. Никто никогда в жизни раньше меня не бил. Я так удивилась, что даже не испугалась.

В детприемнике я провела два месяца. Все два месяца нас не выпускали на улицу, и свежим воздухом я не дышала. Я часто подходила к окну. Из окна я видела, как конвой ведет по улице женщин на работу. Я кричала: «Мама, мама, я здесь, ты смотри меня в окно!» После обеда был тихий час, и каждый тихий час я плакала. Все уже знали заранее, что я буду плакать. И как только приходило время ложиться в кровать, воспитатели говорили: «Если только заревешь, мы тебя уведем голышом в подвал, будешь спать там!» Я тогда плакала тихо, в подушку. Мне было все время страшно и все время хотелось спрятаться. Кровать была для меня единственным спасением – я знала, что там я буду одна, что меня там никто не тронет.

В детприемнике я начала сочинять сказки. Я придумывала очень много сказок – каждый день новую. Однажды я придумала историю, как голодный король собирал крошки

со стола. – «Как же король может быть голодным? Что ты, дура, не знаешь? Короли не бывает голодные! Это ты бываешь, а они не бывают!», – сказали мне старшие ребята. Это было для меня открытием.

А через два месяца нас повезли на поезде. Когда поезд шел по пригородам, я смотрела в окно: «Куда меня увозят? До свидания, Нижний Тагил! Что будет дальше? Где мне найти маму? Ты меня никогда не найдешь, мама!»

Из Нижнего Тагила мы доехали до Алапаевска, там сделали пересадку, и по узкоколейной железной дороге небольшой поезд повез нас на Новошайтанку.

Новошайтанка раньше была селом золотоискателей. Золото в этих краях уже давно перестали искать, но названия в селе остались прежние: «Купеческий дом», «Поповский дом», «дом Золотой Россыпи». В 1941 году сюда свозили детей. Корпуса детского дома были разбросаны в радиусе трех с половиной километров, в каждом жило по сорок-пятьдесят человек, всего в Новошайтанке было 800 детей. Кухня была общая, оттуда по корпусам развозили пищу. Развозили сначала на лошадях, потом на быках. Школа была далеко, надо было идти к ней через всю деревню, через реку.

Нас, нижнетагильских, прежде всего поместили в изолятор. Через несколько дней после приезда нас осматривала врачебная комиссия, которая должна была определить наш возраст. Многие были безвозрастные. Я тоже. Мои документы куда-то пропали. Кое-кто даже не имел имен. Врачи в белых халатах сидели за длинным столом, я вышла перед ними. – «Фамилию свою знаешь?» – «Вознесенская» – «Молодец! Ну, а имя у тебя какое-нибудь есть?» – «Анастасия». – «Настя, значит». – «Нет, мне мама всегда говорила, что я Анастасия!» – «Ну хорошо, Анастасия. А папу твоего как

звали?» Я молчала. – «Ты будешь Анастасия Артуровна Вознесенская. Ладно?» Я кивнула. Главврачу нравились красивые имена, он раздавал их направо и налево, и у нас в Новошайтанке было потом полным-полно Рубенов, Артуров, Элиз и Мариан. Мне мое новое имя-отчество даже понравилось. Так звучно звучит. – «А день рождения у тебя когда?» – «Не знаю». У тех, кто не знал, медицинская комиссия определяла возраст по рукам и росту. По рукам он у меня выходил один, а по росту другой – я очень маленькая была. – «Ну, он будет у тебя 15 августа 1933 года. Запоминай! А корпус твой будет – двенадцатый. Это вон там, напротив. Одевайся и иди!»

По протоптанной в снегу тропинке, с узлом в руках, я подошла к бревенчатому дому с маленькими окошками, толкнула двумя руками тяжелую дверь и попала в большую комнату, где на вбитых в бревна гвоздях висели тулупы, пальтишки и стояли валенки и галоши. Это была передняя. Нижний этаж был разделен на две половины – в одной столовая, в другой рабочая комната. В рабочей комнате длинный стол, скамейки. В столовую заходить без разрешения было нельзя. Когда я пришла, все сидели за столом в рабочей комнате. В торце стола, привалясь спиной к стене, в вялой скучающей позе сидел бледный парень с грязными рыжими волосами и грыз ногти. – «Ну-ка ты, поди сюда!» Я подошла. – «Новенькая?» Я кивнула. Он лениво протянул руку, взял у меня мой узел и вытряхнул его содержимое на пол перед со-

бой. Тонкой деревянной палочкой с заточенным концом, выскользнувшей ему в ладонь из широкого рукава красной, на выпуск, рубахи он пошевелил мои туфли, отодвинул платья и выудил перетянутую резинкой стопку фотокарточек. Он стал смотреть их. – «Мама твоя?» – «Да». – «Ну, собирай свои манатки», – сказал он, встал, прошел к печке все той же ленивой, развинченной походкой, отодвинул заслонку и бросил всю стопку в огонь. Я заплакала. Все молча и настороженно смотрели на меня. Я видела, как горят фотокарточки, на которых была мама, и наш московский дом на Ордынке, и маленькая я с большой куклой. Эти фотокарточки мы взяли с собой из Москвы, когда уезжали в Нижний Тагил. На виду у всех, под несочувственными взглядами, плач мой быстро замер и превратился в сухие всхлипы, дергавшие мне грудь и горло. Здесь нельзя было плакать.

Парень, сжегший мои фотокарточки, был Васька Кот, атаман. В каждом корпусе был свой атаман. Кто это такой, для меня долго оставалось неясным, но я знала, что это почему-то самый главный человек. Ему все должны подносить все, что он хочет, кланяться ему, уступать лучшую постель. Он же, вместе с другими старшими ребятами, издевался над маленькими и слабыми. В нашем корпусе жили брат и сестра – Володя и Шура. Они были из Баку. У них были хорошие голосишки, и часто они пели вместе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.